

"...похоть, зависть, гнев, гордыня, алчность, лень, чревоугодие как траурная тень, окутали земные дали",

Вольтер

Вольтер, конечно, великий, но как от боли он не заметил, например, любви, чистоты, доброты, самоотверженности, бескорыстия, труда... Но сейчас мы не о нем...

Жизнь этого человека – уникальный пример экзистенциального опыта, пример всему человечеству – абсолютно всем, и католикам, и англиканам. Он не оставил нам героический эпос, подобно Гомеру, либо историю борьбы и победы в смирении человеческого духа, подобно Гете. Но он – бесспорный гений человечества. Он оставил нам навеки себя – свою уникально прожитую жизнь. ...Их было двое – великих капрофагов в истории человечества. Два прекраснейших Божьих творения, два личностно гениальных человека... Один сказал «Бог умер», и это было изначально осознаваемой ложью, и он сошел с ума, завещав нам боль своего сердца, рожденную видимым глазу несовершенством мира. Второй назвал человека словом еху, показав его недостойным ни Бога, ни самого себя существом, по отношению к которому невозможны ни уважение, ни приятие - гадким скотским существом, и сошел с ума, оставив нам свою прекрасно прожитую жизнь и боль своего сердца - от видимого глазу несовершенства мира. Жизнь, творчество и ошибки Джонатана Свифта как пример экзистенциального опыта.

Джонатан Свифт

(1667, Дублин, —1745, там же) — великий англо-ирландский писатель-сатирик, публицист, философ, поэт и общественный деятель, нам в стране советов известный как автор знаменитой фантастической тетралогии «Путешествия Гулливера», в которой высмеял общественные и человеческие пороки. Но справедливо было бы сказать, что знаем мы только первую часть книги – о путешествии доктора Гулливера к лилипутам и может быть – может быть, кто-нибудь что-нибудь слышал о второй книге – о Гулливере у великанов... Художественно равноценны и равнозначны все четыре, но читая лишь первую, мы сильно обедняем себя и урезаем свое представление о мире. Без путешествия в Лапуту, Бальнибарби, Лаггнэгг, Глаббдобдриб, Японию и страну гуигнгнмов нельзя... Особенно – гуигнгнмов. Поэтому мы обрисовываем биографию – ведь важно, как формировался ТАКОЙ ГИГАНТ ГУМАНИЗМА.

Свифт родился в ирландском городе Дублин в небогатой протестантской семье. Его отец (также по имени Джонатан Свифт), мелкий судейский чиновник, умер до рождения сына, оставив семью без средств. Воспитанием мальчика занимался дядя, а с матерью Джонатан почти не встречался. После школы он поступил в Тринити-колледж

(св. Троицы) Дублинского университета, который закончил в 1686 году. В результате обучения Свифт получил степень бакалавра и приобрел пожизненный скепсис, со временем перешедший в глубочайшее разочарование человеческой природой, что завело его очень далеко... После свержения Якова II в Ирландии началась гражданская война, и Свифт уехал в Англию, где пробыл 2 года и служил секретарём у сына

знакомого матери, отставного дипломата Уильяма Темпла. В имени Темпла Свифт впервые встретил Эстер Джонсон (1681—1728), дочь служанки, рано потерявшую отца. Эстер тогда было всего 8 лет; Свифт стал её другом и учителем. И это – первый идеальный женский образ в его персональной биографии... С Эстер мы еще встретимся) ... В 1690 году Свифт вернулся в Ирландию, хотя позже неоднократно посещал Темпла. Для поиска должности Темпл вручил ему характеристику-рекомендацию, в которой отмечались хорошее знание латинского и греческого, знакомство с французским и отменные литературные способности. Темпл смог оценить незаурядный литературный талант своего секретаря, предоставил ему свою библиотеку и дружескую помощь в житейских делах; взамен Свифт помогал Темплу в подготовке мемуаров. Именно в эти годы Свифт начинает литературное творчество. Влиятельного Темпла посещали многочисленные именитые гости, включая короля Вильгельма, и наблюдение за их беседами дало неоценимый материал будущему сатирику. В 1692 году Свифт получил звание магистра в Оксфорде, а в 1694 году принял духовный сан англиканской церкви. В 1696—1699 годах он пишет сатирические повести-притчи «Сказка бочки» и «Битва книг» (опубликованы в 1704 году), а также несколько поэм. В 1699 года Уильям Темпл умер и стал одним из тех немногих не только знакомых Свифта, но даже просто людей, о ком он написал лишь добрые слова. В 1700 году Свифт назначен служителем собора Святого Патрика в Дублине. В этот период он публикует несколько анонимных памфлетов. Современники сразу отметили особенности сатирического стиля Свифта: яркость, бескомпромиссность, отсутствие прямой проповеди — автор иронически описывает события, оставляя выводы на усмотрение читателя. В 1702 году Свифт получил степень доктора богословия в Тринити-колледже и сближается с оппозиционной партией вигов. Авторитет Свифта как писателя и мыслителя растёт. В эти годы он часто посещает Англию, издаёт анонимно «Сказку бочки» и «Битву книг», и первая из них снабжена многозначительным подзаголовком, который можно отнести не только ко всему творчеству, но и ко всей жизни Джонатана Свифта: **«Написано ради общего совершенствования рода человеческого»**. Еще один смертный взомнил себя Богом... Но, однако, книга сразу становится популярной и в первый же год выходит тремя изданиями. Почти все произведения Свифта выходили под разными псевдонимами или вообще анонимно, хотя его авторство обычно не составляло секрета. ...Он болел внутренне из-за того, что видели его глаза – ложь, пошлость, презрение к добродетелям, постоянство преступления... **И, возложив на себя Божьи функции усовершенствования мира, он оказался не готов к постоянству разочарования – в одиночку мир улучшать трудно, ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТ ИДТИ МИМО), и Свифт получал удары на каждом шагу - виги его любимые завоевали большинство в парламенте, а улучшения нравов не произошло)))**. Свифт вернулся в Ирландию и в 1707 г. познакомился с другой девушкой, 19-летней Эстер Ваномри, которую в письмах называл Ванессой. ...Нет, ну зачем Дону Кихоту помнить, что Дульсинея – Альдонса? А декан Свифт не доводил до своего сознания, что реальны обе Эстер, а не Ванесса и Стелла... Посмотрите, друзья, как неожиданно история реального декана Свифта перекликается с жизнью героя Сервантеса даже в такой детали: тому, кто уверен, что «нет ничего достойного пощады, творенье не годится никуда!», **РЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА НЕ ВАЖНА...** Она может болеть, бедствовать, просто нуждаться в опоре-мужчине... Куда там – ее мужчина **«ПОКЛЯЛСЯ УНИЧТОЖИТЬ ВЕСЬ СПИСОК МИРОВЫХ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЕЙ»**((... . Во время романа с Эстер-Ванессой, Свифт почти ежедневно пишет Эстер-Стелле Джонсон... Эти письма и составили книгу «Дневник для Стеллы», изданную посмертно. Эстер-Стелла, оставшись сиротой, поселилась в ирландском поместье Свифта вместе со своей компаньонкой. ...Ну, а Джонатан Свифт разочаровывается уже в виги и сближается с тори – в 1710 году тори во главе с Генри Сент-Джоном Болингброком (надеюсь все помнят пьесу и фильм «Стакан воды»? ;)) пришли к власти в Англии, и Свифт их поддержал. Еще бы: ведь тори

заклучили Утрехтский мир и осудили коррупцию и пуританский фанатизм))). Да и памфлеты Свифта они публикуют без купюр)). Попросту Свифт с Болингброком, талантливым и остроумным человеком, сдружились. Это был второй персонаж жизни Свифта, чье существование на белом свете оправдывало в глазах писателя Бога))....В 1713 году с помощью друзей из лагеря тори Свифт назначен деканом собора Святого Патрика. Это место, помимо финансовой независимости, даёт ему политическую трибуну для открытой борьбы, и Свифт из Ирландии продолжает активное участие в общественной жизни Англии, публикуя статьи и памфлеты по насущным проблемам. Гневно выступает против социальной несправедливости, угнетения, религиозного фанатизма и др. В 1720 году палата лордов ирландского парламента передала британской короне все законодательные функции в отношении Ирландии, и с этого момента Свифт включился в борьбу за автономию Ирландии, разоряемой в интересах английской метрополии. Он провозгласил по существу декларацию прав угнетённого народа ...В эти же годы Свифт начинает работу над «Путешествиями Гулливера». Ванесса умирает – у реальной Эстер был туберкулез. В 1724 году Свифт анонимно издаёт многотысячным тиражом мятежные «Письма суконщика», призывающие к бойкоту английских товаров и неполновесной английской монеты. Резонанс от «Писем» был оглушительным и повсеместным, Англия сочла за благо пойти на некоторые экономические уступки, и с этого момента декан Свифт стал национальным героем и неофициальным лидером католической Ирландии. Современник отмечает: «Его портреты были выставлены на всех улицах Дублина... Приветствия и благословения сопровождали его всюду, где бы он ни проходил». Свифт из собственных средств учредил фонд помощи дублинским горожанам, которым грозило разорение, причём не делал различия между католиками и англиканами. Бурный скандал по всей Англии и Ирландии вызвал знаменитый памфлет Свифта «Скромное предложение», в котором он издевательски посоветовал: если мы не в состоянии прокормить детей ирландских бедняков, обрекая их на нищету и голод, давайте лучше продавать их на мясо, а из кожи делать перчатки. В 1726 году выходят первые два тома «Путешествий Гулливера» (опять анонимно); остальные два были опубликованы в следующем году. Книга пользовалась невиданным успехом. (Книга «Путешествия Гулливера» считается классикой и в прошлом веке десятки раз экранизировалась, и – неизбежно сатирический заряд этой книги всегда выхолащивался). За несколько месяцев она переиздавалась трижды, вскоре появились её переводы на другие языки. В 1728 году умерла Стелла. Физическое и душевное состояние Свифта ухудшаются. Популярность его продолжает расти: в 1729 году Свифту присваивается звание почётного гражданина Дублина, выходят его собрания сочинений: первое в 1727 году, второе — в 1735 году. И вдруг Свифт заболевает. По написании «путешествий гулливера» джонатан свифт тяжело заболевает.... Писатель страдал от серьёзного душевного расстройства; в последних проблесках затухающего сознания он назвал свою болезнь - «смертельная скорбь, убивающую его тело и душу». В 1742 году после инсульта Свифт потерял речь и последние умственные способности, его безумие описано современниками, и оно было страшно. Спустя три года он скончался. Похоронен Свифт в центральном нефе своего собора рядом с могилой Эстер Джонсон, эпитафию на надгробной плите он сам сочинил заранее, ещё в 1740 году, в тексте завещания, и стилистически она великолепна: **«Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этого собора, и суровое негодование уже не раздирает его сердце. Ступай, путник, и подражай, если можешь, тому, кто мужественно боролся за дело свободы»**Все так красиво, а в чем же источник болезни? Вот послушайте его «Стихи на смерть доктора Свифта», написанные за почти 15 лет до смерти:

Поставил автор цель благую —
Лечить испорченность людскую.
Мошенников и плутов всех.
Хлестал его жестокий смех...
Сдержи перо он и язык,
Он в жизни многого б достиг.
Но он не помышлял о власти,
Богатство не считал за счастье...
Согласен я, декана ум
Сатиры полон и угрюм;
Но не искал он нежной лиры:
Наш век достоин лишь сатиры.
Всем людям мнил он дать урок
Казня не имя, но порок.
И одного кого-то высечь
Не думал он, касаясь тысяч.

...Все это декларации, а ответ на вопрос «что же произошло», довольно прост. Джонатан Свифт не сумел «ненавидеть грех, но любить грешника»...Если первые три части «Путешествий Гулливера» бичуют, вобщем-то, большей частью социальные пороки (в первой части читатель смеётся над нелепым самомнением лилипутов; во второй, в рассказе о стране великанов, писатель уверяет, что наша цивилизация заслуживает такого же осмеяния; в третьей высмеивается наука — фактически, это первая в истории литературы технократическая антиутопия); то в четвертой Свифт устраивает человечеству жестокий суд и выносит приговор — **«ни любви, ни жалости не достойная мерзкая скотина»: появляются мерзкие йеху как концентрат исконной человеческой природы, не облагороженной духовностью. Свифт не прибегает к морализаторским наставлениям, предоставляя читателю тот еще выбор — между йеху и их моральным антиподом,лошадью...**

...Конечно, разумеется, большие проблемы у человека, который, являясь священником, во всеуслышание заявляет: «А что, если церкви - это усыпальницы не только для мертвых, но и для живых?... Религия - болезнь души. Говорить, что человек обязан верить в Бога, - не только неверно, но и неразумно! Мне никогда не доводилось видеть, слышать или читать в книгах, чтобы духовенство пользовалось в христианской стране любовью. Завоевать симпатию у народа могут лишь те священники, которые подвергаются преследованиям» - то есть, он делает то, что заведомо считает неверным и даже вредным - помните, как в «Путешествиях Гулливера» описал знаменитую борьбу тупоконечников против остроконечников — это был кирпич в огородах католической и англиканской церквей...Нет, не амбивалентность его диагноз.

Цитата из письма Свифта другу и поэту Александру Поупу: **«Я всегда ненавидел все нации, профессии и всякого рода сообщества; вся моя любовь обращена к отдельным людям: я ненавижу, например, породу законников, но люблю адвоката имярек и судью имярек; то же самое относится и к врачам (о собственной профессии говорить не стану), солдатам, англичанам, шотландцам, французам и прочим. Но прежде всего я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя от всего сердца люблю Джона, Питера, Томаса и т. д. Таковы воззрения, коими я руководствовался на протяжении многих лет, хотя и не высказывал их, и буду продолжать в том же духе, пока буду иметь дело с людьми»**Мир несовершенен... Мир не совершенен?! Кто сказал? Декан Свифт?... В одном из колымских рассказов Варлаама Шаламова есть такой сюжет — из жизни, кстати — один из вохровцев не дает жить верующему заключенному на всем протяжении этапа. Вохр — последняя сволочь,

издевается над людьми и т.п. Он спрашивает зека: «Ну так что – Бог есть?!», и альтер эго Шаламова отвечает: «Если Щербаков есть, то Бога нет» (фамилия конвоира Щербаков) ... Вот как же интересно получается – раз тебе причинили зло, боль, ты страдаешь, то все – Бога и нет! Все века человеческой истории мир полон страдания и зла, и что характерно – страдания невинных и слабых и зримой БЕЗНАКАЗАННОСТИ носителей и вершителей зла, и все века люди тянут лямку и вопрошают небеса «за что?» да «доколе?», но показывать кулак, а Свифт – вообще фигу Богу, отрицая Спасение, Провиденциальный замысел истории, да и саму благость Творца – БОЛЬШАЯ ГОРДЫНЯ. Возомнить себя героем-одиночкой – еще и иллюзия, которая была бы чистой, кабы декан Свифт не любил до крайности поклонение себе – помните: «Его портреты были выставлены на всех улицах Дублина... Приветствия и благословения сопровождали его всюду, где бы он ни проходил». Кому это не нравится, тот легко это прекращает). ...Свифт пишет, что мизантропы получают из людей, которые считали людей лучше, чем они есть, а затем поняли, что обманулись. **«Я не питаю ненависти к человечеству, потому что никогда не имел никаких иллюзий на его счёт...Вы и все мои друзья должны позаботиться о том, чтобы мою нелюбовь к миру не приписывали возрасту; в моём распоряжении есть надёжные свидетели, которые готовы подтвердить: с двадцати до пятидесяти восьми лет это чувство оставалось неизменным».** Свифт считал, что человек неизбежно катится к скотскому аморализму йеху... Если цель творчества Свифта - поиск пути улучшения нравов, пути улучшить человеческую природу, отыскать способ возвысить её духовную и разумную составляющие, то идеальное общество... гуигнгнмы?...Лошади, которым автор приписывает с готовностью все, что не нашел в «недостойном человеческом существе», ум, честь, благородство, доброта, терпимость, уважение и любовь? Я позволю себе цитату:

«Признаюсь, что мне нашептывали, будто мой долг английского подданного обязывает меня сейчас же по возвращении на родину представить одному из министров докладную записку, что все земли, открытые подданным, принадлежат его королю. Но я сомневаюсь, чтобы завоевание стран, о которых я говорю, далось нам так легко, как завоевание Фердинандом Кортесом беззащитных американцев. Лилипуты, по моему мнению, едва ли стоят того, чтобы для покорения их снаряжать армию и флот, и я не думаю, чтобы было благоразумно или безопасно произвести нападение на бробдингнежцев или чтобы английская армия хорошо себя чувствовала, когда над нею покажется Летучий Остров. Правда, гуигнгнмы как будто не так хорошо подготовлены к войне – искусство, которое совершенно для них чуждо, особенно что касается обращения с огнестрельным оружием. Однако, будь я министром, я никогда не посоветовал бы нападать на них. Их благоразумие, единокордшие, бесстрашие и любовь к отечеству с избытком возместили бы все их невежество в военном искусстве. Представьте себе двадцать тысяч гуигнгнмов, врезавшихся в середину европейской армии, смешавших строй, опрокинувших обозы, превращающих в котлету лица солдат страшными ударами своих задних копыт. Ибо они вполне заслуживают характеристику, данную Августу. Но вместо предложения планов завоевания этой великодушной нации я предпочел бы, чтобы они нашли возможность и согласились послать достаточное количество своих сограждан для цивилизации Европы путем научения нас первоосновам чести, справедливости, правдивости, воздержания, солидарности, мужества, целомудрия, дружбы, доброжелательства и верности. Имена этих добродетелей удержались еще в большинстве европейских языков (!!! – А.М., имена – но по мнению писателя – не суть!), и их можно встретить как у современных, так и у древних писателей. Я могу это утверждать на основании скромных моих чтений.....Но так как население описанных мной стран, по-видимому, не имеет никакого желания быть завоеванным, обращенным в рабство, истребленным или изгнанным колонистами и так как сами эти страны не изобилуют ни золотом, ни серебром, ни сахаром, ни табаком, то, по скромному моему мнению, они являются весьма мало подходящими объектами для

нашего рвення, нашей доблести и наших интересов. Однако, если те, кого это ближе касается, считают нужным держаться другого мнения, то я готов засвидетельствовать под присягой, когда я буду призван к тому законом, что ни один европеец не посещал этих стран до меня, поскольку, по крайней мере, можно доверять показаниям туземцев; спор может возникнуть лишь по отношению к двум еху, которых, по преданию, видели много веков тому назад на одной горе в Гуигнгнмии и от которых, по тому же преданию, произошел весь род этих гнусных скотов; эти двое еху были, должно быть, англичане, как я очень склонен подозревать на основании черт лица их потомства, хотя и очень обезображенных. Но насколько факт этот может быть доказательным, – предоставляю судить знатокам колониальных законов.... **Ответив, таким образом, на единственный упрек, который можно было бы сделать мне как путешественнику, я окончательно прощаюсь со всеми моими любезными читателями и удаляюсь в свой садик в Редрифе наслаждаться размышлениями, осуществлять на практике превосходные уроки добродетели, преподанные мне гуигнгнмами, просвещать еху моей семьи, насколько эти животные вообще поддаются воспитанию, почаще смотреть на свое отражение в зеркале и, таким образом, если возможно, постепенно приучить себя выносить вид человека; сокрушаться о дикости гуигнгнмов на моей родине, но всегда относиться к их личности с уважением ради моего благородного хозяина, его семьи, друзей и всего рода гуигнгнмов, на которых наши лошади имеют честь походить по своему строению, значительно уступая им по своим умственным способностям. С прошлой недели я начал позволять моей жене садиться обедать вместе со мной на дальнем конце длинного стола и отвечать (как можно короче) на немногие задаваемые мной вопросы. Все же запах еху по-прежнему очень противен мне, так что я всегда плотно затыкаю нос руттой, лавандой или листовым табаком. И хотя для человека пожилого трудно отучиться от старых привычек, однако я совсем не теряю надежды, что через некоторое время способен буду переносить общество еху-соседей и перестану страшиться их зубов и когтей.**

Мне было бы гораздо легче примириться со всем родом еху, если бы они довольствовались теми пороками и безрассудствами, которыми наделила их природа. Меня ничуть не раздражает вид судейского, карманного вора, полковника, шута, вельможи, игрока, политика, сводника, врача, лжесвидетеля, соблазнителя, стряпчего, предателя и им подобных; существование всех их в порядке вещей. Но когда я вижу кучу уродств и болезней как физических, так и духовных, да в придачу к ним еще гордость, – терпение мое немедленно истощается; я никогда не способен буду понять, как такое животное и такой порок могут сочетаться. У мудрых и добродетельных гуигнгнмов, в изобилии одаренных всеми совершенствами, какие только могут украшать разумное существо, нет даже слова для обозначения этого порока; да и вообще язык их не содержит вовсе терминов, выражающих что-нибудь дурное, кроме тех, при помощи которых они описывают гнусные качества тамошних еху; среди них они, однако, не могли обнаружить гордости вследствие недостаточного знания человеческой природы, как она проявляется в других странах, где это животное занимает господствующее положение. Но я благодаря моему большому опыту ясно различал некоторые зачатки этого порока среди диких еху....

Однако гуигнгнмы, живущие под властью разума, так же мало гордятся своими хорошими качествами, как я горжусь тем, что у меня две руки; ни один человек, находясь в здравом уме, не станет кичиться этим, хотя и будет очень несчастен, если лишится одной из них. Я так долго останавливаюсь на этом предмете из желания сделать, по мере моих сил, общество английских еху более переносимым; поэтому я очень прошу лиц, в

какой-нибудь степени запятнанных этим нелепым пороком, не отваживаться попадаться мне на глаза».

Понравилось? Мне нет, пусть и написано талантливо. Человек – средоточие пороков? Человек – средоточие пороков, но он же и вместилище божественного духа! Он слаб, он грешен, он веками зверски истребляет себе подобных, **НО ОН НЕ ЕХУ!** И я не про преподобного Серафима Саровского, не про Терезу Калькутскую, даже не про Александра Матросова, я – про каждого из нас... Одним безвестным добром и держится мир... А творит-то его кто? **ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ. ОБЫКНОВЕННЫЕ. КАЖДЫЙ ДЕНЬ. ПРОСТО. ИСКРЕННЕ. БЕЗ ПАФОСА...** И они не еху... Все верно говорит герой Смоктуновского в фильме «Девять дней одного года»: что наука не откроет, то человечество тут же отправляет на изобретение новых способов убийства людей, да... Но, рядом с нами ежедневно столько слабого, зачастую неосознаваемого добра, что все еще стоит Земля... А декан Свифт **ПЕРЕШЕЛ ГРАНЬ**, поэтому стал безумен. Через полвека восславит «естественного человека» Жан Жак Руссо, но в мысли философа он – не скотина, лишенная веры и благодати, самый омерзительный из скотов, которому пристало разве что быть в рабстве у лошадей... И то, что сделал Свифт, по сути весьма далеко от декларированного им в начале романа посылка «просвещать людей и делать их лучшими, совершенствовать их умы как дурными, так и хорошими примерами того, что они передают касательно чужих стран». У него вышло, что идеальное общественное устройство возможно лишь помимо человека. А это ложь. И более – грех, ибо мы – носители образа и подобия Божьего, пусть слабые, пусть недостойные, но – подобие Божие. Бога оскорбить – оскорбить себя, Его в себе, да и грехи грехами, а любви и милости Божьей еще никто не отменял... При всех наших грехах.

Неправильно сказать, что как человек, Джонатан Свифт представлял собою патологическое явление. Его душа расплатилась за огрехи его ума, и только-то... **СВИФТ – ЧЕЛОВЕК, НЕ НАШЕДШИЙ ОТВЕТА НА ВОПРОС О СМЫСЛЕ. ИМЕННО ПОЭТОМУ ДЛЯ НАС ТАК ЦЕНЕН ПРИМЕР ЕГО ЖИЗНИ – В КАЧЕСТВЕ НЕЗАМЕНИМОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА, ИБО СВИФТ БЫЛ СВЫШЕ НЕОБЫЧАЙНО ОДАРЕН.** Он и сам скорее чувствовал, чем понимал, что что-то не так, потому прорывались всегда сквозь эту запредельную гордыню две вещи, которые его спасали, и обе – проявление Святого Духа. Юмор – ежедневное проявление Духа! К примеру, однажды на площади перед собором собралась и подняла шум многочисленная толпа. Свифту доложили, что это горожане готовятся наблюдать солнечное затмение. Раздражённый Свифт велел передать собравшимся, что декан отменяет затмение. Толпа затихла и почтительно разошлась. В этом Свифт – весь... И второе – доброта: большую часть своего состояния Свифт завещал употребить на создание лечебницы для душевнобольных; «Госпиталь Святого Патрика для имбецилов» был открыт в Дублине в 1757 году и существует по сей день, являясь старейшей в Ирландии психиатрической клиникой. А, заметив, что многие могилы в соборе святого Патрика запущены и памятники разрушаются, Свифт разослал родственникам покойных письма, в которых требовал немедленно прислать деньги для ремонта памятников; в случае отказа он пообещал привести могилы в порядок за счёт прихода, но в новой надписи на памятниках увековечить скупость и неблагодарность адресата. Одно из писем было направлено королю Георгу. Его величество не ответил, и в соответствии с обещанием на надгробной плите его предка были отмечены скупость и неблагодарность короля... Неглупо? Еще как справедливо, зло и неглупо... Проницательный Болингброк как-то заметил Свифту: если бы он действительно ненавидел мир так, как изображает, он бы так на этот мир не злобствовал. А он злобствовал. И судил. И конец этому был в 4-ой части Гулливера, а дальнейшим замыслам поставило окончательный предел расстройство умственных способностей, мало-помалу перешедшее в апатическое идиотство. Десять лет Джонатан Свифт провел в нравственных и физических муках, особенно сильных в так называемые

светлые промежутки. «Я идиот! — восклицал он. - Я то, что я есть». В последние два-три года жизни он произнес только одно слово.

В честь Свифта названы кратер на Луне, кратер на одном из угаданных им спутников Марса и площадь и улица в Дублине. «Джонатан Свифт — написал Теккерей — идет дорогой жизни, неистовствуя, точно человек, одержимый бесом. Он постоянно оглядывается вокруг, не гонятся ли за ним фурии. Он знает, что наступит ночь, и с нею неизбежно явятся эти чудовища. О, Господи, какая это ночь, и какая долгая агония! Какой страшный коршун терзал сердце этого гиганта! ... с судорожно сжатыми мускулами, с сердцем, полным ненависти, он с ужасной улыбкой пишет свои памфлеты».

Милость Божия – она всегда и для всех, поэтому я всей душой верю, что так наказанный за смешение духов, за невидение смыслов при жизни Джонатан Свифт теперь покоен и в раю у престола Божьего.

PS. Капля цитат, дабы личность Свифта не выглядела однобоко:

«Дай вам бог жить все дни вашей жизни».

«Если бы на небесах богатство почиталось ценностью, его бы не давали таким негодьям».

«Если бы человек не поддавался чувствам, он бы ненавидел жизнь и хотел бы, чтобы она поскорее кончилась или никогда бы не начиналась».

«Женщине не нужно много ума, - так, нам довольно, если попугай отчетливо произнесет хотя бы несколько слов».

«Каждый хочет жить долго, но никто не хочет стареть».

«Лишь очень немногие живут сегодняшним днем. Большинство готовится жить позднее». Мудрец менее всего одинок тогда, когда он находится в одиночестве».

«Мы достаточно религиозны, чтобы ненавидеть друг друга, но недостаточно религиозны, чтобы любить друг друга».

«Самую большую и самую искреннюю часть наших молитв составляют жалобы».

«Стиль - это нужные слова в нужном месте».

«Гщеславие скорее есть признак ничтожества, нежели величия».

«У нас... столько религий, сколько нам требуется для того, чтобы ненавидеть друг друга».

«Удовлетворить потребности ценой отказа от желаний равносильно тому, чтобы отрубить ноги, когда нужны башмаки».

«Хорошими манерами обладает тот, кто наименьшее количество людей ставит в неловкое положение».

PPS. Кто пользовался порталом YANOO.com?))) Название – это, собственно, и есть слово «еху» из романа «Путешествия Гуливера»только по-английски).